

Григорий Барац

Михайлов день

Блаженны умеющие смеяться над собой, ибо не иссякнет источник их услады до конца дней их.

Еврейская пословица

На этот завод я попал по блату. Да и сам завод был блатной. Одно название чего стоило: «Одесский механический завод средств автоматизации и механизации животноводства и кормопроизводства». Находился он в центре Молдаванки. Не так далеко от Мясоедовской и знаменитой Еврейской больницы. Что там производилось? Для чего? Для кого? Не знал никто.

Главным инженером завода был мой дядя Михаил Петрович Эйдельштейн. Заком главного технолога – его родной брат Самуил Пейсохович Эйдельштейн. Первый был высокий голубоглазый блондин с амбициозным вспылчивым характером, а главное, партийный. Второй – смуглый, низкорослый, кудрявый, тонкокостный, застенчивый и беспартийный. Мама и папа у них были общие – мои бабушка и дедушка, ашкеназские евреи, в облике и характере которых отразился весь двухтысячелетний путь от Испании до Украины.

Бабушка Ханна Моисеевна, дочь шинкарки, прошла все революционные ступени: от бундовцев, искровцев до большевиков. Вовремя «потеряла» свой партбилет и нашла свое призвание в любви к колыбели, плите и мужу. Нарожала троих: мою маму и двух сыновей. Вкусней фаршированной рыбы и куриной шейки (если еще кто-то помнит вкус этих кулинарных шедевров), по крайности на нашем квартале – от Щепного до Треугольного переулка, не делал никто. Дедушка – сын сапожника, внук сапож-

ника и правнук сапожника, был человеком «выносливым». Выносил обрезки кожи из обувной фабрики на Троицкой. Любил и оберегал сапожную лапку, молоток и гвоздики, которые держал во рту во время работы, а также жену и детей.

Как из теста одного замеса вырастают разные дети, не знает никто. Да и надо ли? Что есть, то есть. Детей, как и родителей, не выбирают. Рожают, помогают, как воспитают – так и вздыхают.

По протекции дяди Бори меня, молокососа, назначили на бластную должность – начальником БВК, что означало «бюро внешнего контроля». Мне, вчерашнему студенту техникума, должно было руководить не только опытными, но и старшими по возрасту сотрудниками. Первое время они просто не обращали на меня внимание. Сновали из лаборатории в лабораторию. Как только я появлялся в химической, все перебежали в физическую и наоборот. Мне неловко было отвлекать их от дела расспросами.

Мало-помалу я сообразил, чем занимаются сотрудники «возглавляемого» мною бюро кроме травли анекдотов, обмена кулинарными рецептами и обсуждения любовных интриг. Оказалось, они проверяют проверенное. Всё сырье, детали, комплектующие, поступающие на завод с предприятий страны, проверяются на твердость, прочность, растворимость, поломкопригодность и еще черт-те что.

Всё, что можно было разобрать, – разбиралось, невозможно – разрушалось. Меня удивляло, почему, скажем, детали, которые производятся в двух шагах, на Прохоровской, поступают из Мурманска. Проволока, которой завались на фабрике «Э мотузок», что на Канатной, едет к нам с Урала. В ответ на такие вопросы сотрудники смотрели на меня, как на идиота, разводили руками: мол, всем всё понятно, кроме тебя.

Дядя Миша поначалу рассердился.

– Гриша, ты что, сын желудя? С дуба упал? Тебя сюда посадили не вопросы задавать, а акты подписывать, – но тут же рассмеялся: – Ничего, это, говорят, к деньгам.

Дядя Сёма не только посмотрел на меня как на недоразвитого, но и ответил тоже двумя вопросами:

– Ты что, на всю голову простуженный? Оно тебе надо? Ты делаешь вид, что работаешь, они делают вид, что тебе платят.

И в самом деле, оно мне надо? Ведь говорил же мой дедушка: «Не суй мене Господи, куда мене не просят». А меня ни о чем и не просили. Кабинет уютный, с теликом и настольным вентилятором, как в детской сказке про Незнайку: «Тепло, светло и мухи не кусают». Царская жизнь.

Голос секретарши Софочки, моей двоюродной сестры, проскрипел по селектору: «Товарищ Басов, срочно зайдите к дяде Мише».

Сколько раз говорил этой дурочке с переулочка: «На работе для меня так же, как и для тебя, дядя Миша не дядя, а главный инженер».

Оставалось пятнадцать минут до конца рабочего дня. Народ толпился возле проходной в ожидании, когда старый охранник, дед Мойша, откроет выход. Весь день вертушка была открыта. Но за четверть часа до финиша Мойша нажимал ногой на педаль тормоза. Одновременно поднимал левую руку, на запястье которой надеты часы «Победа». Вертушка стопорилась до момента, когда стрелки часов показывали ровно четыре часа дня. Ни секундой меньше. За этой картиной наблюдал с балкона административного корпуса главный инженер, поглядывая на свои наручные часы. Директора, как бога, никто никогда не видел. Знали только, что звали его Михал Михальч Боженко.

Под балконом, над входной дверью, на закопченной белой растряжке алел лозунг: «За новый рост дальнейшего подъема перестройки!». Дядя Миша ждал меня уже в кабинете.

– Надо забраковать пару десятков движков, которые поступили из Винницы, – произнес он в стол, не поднимая головы.

– Михал Петрович, – намеренно официально отозвался я, чтобы слышала Софочка, – я даже их еще не видел.

– А тебе и не надо их видеть. Бери ноги в руки и мигом телеграфируй в Винницу: «Обнаружен брак 120 изделий. Ваши предложения».

– Ничего не понимаю, – ответил я, скривив морду лица.

– А тебе и не надо ничего понимать, за тебя есть кому понимать. Да, подожди на почте ответ – и мигом ко мне. Что молчишь, как рыба об лед? Стартуй, спринтер.

Ждать пришлось недолго. Ответ еще больше озадачил меня: «Командируйтесь Винницу. Проезд наш счет. Брак возместим».

В таком вагоне я очутился впервые. Всю свою туристическую молодость мы с друзьями добирались к маршруту плацкартными вагонами с загаженными туалетами и пьяными проводниками. В лучшем случае – с местами для лежания, а порой и сидя. Знал, что есть плацкартные вагоны, где на лежанках матрацы и подают чай. Но чтобы два дивана с белоснежными простынями, кондиционером и туалетом в купе! А главное тепло, несмотря на ноябрьский морозец. Шок!

Дядя Миша подчеркнуто нарочито вел себя по-хозяйски, легко и свободно распоряжался, словно у себя дома. Поезд еще не тронулся, а из дерматиновой клетчатой сумки появились две жареные куриные четверти, привозная буженина и подчёрёвок, а также малосольные огурчики и помидорки. Тарелки, вилки и ножи появились как по волшебству, как только он звонко постучал чайной ложечкой по граненому стакану в подстаканнике.

Застывшая улыбка не сползала с лица тонконогой проводницы в узкой юбочке. Она бабочкой бесшумно порхала по узкому коридору, устеленному красной ковровой дорожкой, стараясь угодить в безосновательной надежде на чаевые. И все же бутылка «Белого аиста» – тираспольского коньяка пятилетней выдержки – появилась на столе после того, как дверь купе была заперта. Коньяк этот из-за дороговизны называли по химической формуле, напоминающей формулу воды: «аш восемь двенадцать». Стоил он восемь рублей двенадцать копеек, втрое дороже водки. Считался напитком начальства и гнилой интеллигенции...

После третьего гостя, как водится, «за Одессу-маму», аристократическую бледность дяди Мишиного лица покрыла красная паучья паутина. Уголки голубых глаз засветились красноватыми огнями. Сдержано-снисходительное отношение ко мне сменилось панибратски-ухарским. Многие из того, что я узнал, мне не нужно было и не хотелось знать. Имена женщин, география походов мелькали, как сабли в бою на обширной территории одной шестой части суши.

– Ее величество Командировка, – подняв вверх указательный палец, патетически произнес главный инженер, – она разом решает множество задач. Главная – государственная. Вдумайся, салага, откуда у нас ежемесячно три процента сверх плана? «Бракованные» детали мы «утилизируем», так сказать. Получаем

от «бракоделов» компенсацию в таком же количестве. А откуда каждый месяц прогрессивка – может быть, сам догадаешься?

– Но это же незаконно, – вжав голову в плечи, тихо произнес я.

– Да, мы рискуем, – раздухарился дядя Миша. – Но кому от этого плохо? Знаем законы не хуже тебя. Положение обязывает, – и, перейдя на шепот, продолжил: – Жизнь такова – успех имеют не те, кто их исполняет. Живи по закону – получишь навар от яиц. Это не писанный закон, но жизненное понятие.

И для убедительности закончил свой спич еврейской половицей:

– Исполнители закона страшнее самого закона.

Опрокинув в себя еще одну стопку коньяка, удовлетворенный собственной формулировкой самооправдания, дядя Миша продолжил разглагольствовать:

– Командировка, кроме прочего, это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет. Когда бы ты еще попал в Винницу! Держись за меня – всю страну объездишь.

В холодном здании винницкого вокзала дядя Миша вручил мне конверт со словами:

– Здесь командировочные и премия за бдительность. Погуляй по городу. Да, сходи в музей Михаила Михайловича Коцюбинского. Ты же сам пописываешь. Тебе будет полезно. Потом поезжай на завод. Тебя там ждут. Поставят печати на наши командировочные удостоверения. Заберешь сопроводительную документацию. К шести жду тебя на этом месте. Поезд аж в девять. Успеем поужинать в ресторане – и домой.

Сделал я все шиворот-навыворот. Сначала поехал на завод. И уже с тяжеленным портфелем документации таскался по тихому захолустному городишке. К вокзалу приплелся за час до назначенной встречи. Взъерошенным и возбужденным, густо пахнущим духами появился к условленному времени дядя Миша.

– Чего ты с ним носишься? Сдавай портфель в камеру хранения – и пойдем пожуюем. Я зверски проголодался.

Ел дядя быстро, выпивал водку маленькими стопочками и балагурил.

– Ты думаешь, закон один для всех. И ты таки да прав. Но одни их придумывают и учат других их исполнять. А сами живут сов-

сем по другим законам, то есть по понятиям, которые выгодны только им. Как в анекдоте. И он авансом рассмеялся.

Взглянув на часы, дядя вскрикнул:

– На поезд опаздываем!

Не ожидая счет, он кинул на стол пару червонцев, и мы побежали к поезду.

Не успели заскочить в вагон, как поезд тронулся. В то же мгновение я понял, что забыл портфель с документацией. Заорал. Попытался дернуть стоп-кран. Проводница успокоила:

– Через двадцать минут остановка – станция Гнивань.

Молча, с издевательской улыбкой наблюдал за мной дядя Миша.

– Пассажирский поезд движется со средней скоростью пятьдесят километров в час, – ледяным голосом произнес он. – За двадцать минут – десять километров. Следующий поезд в Одессу в три утра. На работу опоздаешь. Я прикрою, – безынтонационной скороговоркой выпалил главный инженер и скрылся в купе.

Поезд, мелькая огнями окон, укатил, оставив меня в звенящей темноте. Двигаться можно было только вдоль стены едва проглядывавшейся одноэтажной станции. Нашупал двери. Заперты. На окнах кресты белых лент. Впереди мелькнул тусклый огонек. Осенние туфли на кожаной подошве не позволяли бежать по наледи перрона. В тот момент, когда я докарабкался к маленькому окошку с табличкой «Касса закрыта», свет погас. В ответ на мой отчаянный стук в окошке показалась говорящая кудрявая голова с бородкой, как у Мефистофеля. Не успел я открыть рот, как из окошка полилась цветастая украинская брань:

– Тобі що, повилазило? Чого балухи вилупив?

Только для того, чтобы я отстал, голова сообщила мне, что поезд в Винницу пройдет только утром, а автотрасса в трех-четыре километрах через лесок. Окошко захлопнулось, свет погас.

Если бы не ночь, не снег, не холод, не осенний плащик, не туфельки на тонкой подошве и начавшаяся метель, я, наверное, залюбовался бы сказочным лесом. Единственным моим союзником была луна. Она освещала уходящие в небо ели и просеку с автомобильной колеей. Дорога шла вверх. Я топал почти на месте. Заледенел, отчаялся и хотел было повернуть назад к спасительному окошку.

Две крошечные светящиеся точки вдалеке сначала испугали и насторожили меня. Звук автомобильного движка обрадовал и обнадежил. Сквозь снежную пелену навстречу мне, как в сказке, катил самый настоящий автомобиль. Им оказалась старенькая потасканная «копейка» – «Жигули» первых лет выпуска. Удивленный встречей не меньше меня, усатый сивобородый водитель был похож на Деда Мороза.

– Гуляешь чи за подарунком у ліс прийшов? – спросил он, приоткрыв окошко.

Мне было не до шуток.

– За любые деньги довези до Винницы, – взмолился я.

– Всього? А ліс тобі не пропилюсосити? Ну чекай, я повернуся, як скоро – так одразу, – ответил Дед Мороз и умчался в сторону станции, увозя с собой свет и надежду.

Стоять не имело смысла – быстрее замерзнешь. Топая по заснеженной колее, подумал: может, у меня уже галюники, и Дед Мороз – мираж моего заиндеветшего воображения? Свет фар выстрелил мне в спину и вернул к реальности происходящего.

«Жигули» подкатили по скрипучему снегу. Передняя дверца распахнулась. Теперь в машине были двое. Рядом с Дедом сидел Мефистофель. Перекрывая шум мотора и ветра, Дед Мороз крикнул:

– Сідай-но негайно!

В голове промелькнуло: бандиты. В лучшем случае ограбят. Ну и пусть. Лучше, чем замерзнуть в лесу. И запрыгнул на заднее сиденье.

– Так що ти там забув, у Вінниці? – не оборачиваясь, спросил Дед Мороз, как только мы тронулись.

Вопрос этот вновь насторожил меня. Откуда они знают о забытых документах? И зачем они им? Сработала защитная еврейская реакция – вопросом на вопрос:

– А вы что делаете ночью в лесу?

Ко мне обернулся Мефистофель и затараторил:

– Тебя как звать? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Меня зовут Михаил, а моего кореша – не догадаешься: тоже Михаил. А сегодня праздник святой, Михайлов день. Деды наши в эту пору говаривали: «Не мудрено, что пиво сварено. Мудрено, что не выпито».

– И что из этого выходит? – опять насторожился я.

– Так у нас не только пиво, но и наша украинская самогоночка подготовлена и закусочка знатная, а тут ты невесть откуда появился. Все же ответь: как звать тебя? Где и когда тебе надо быть в Виннице?

– Я Григорий, – с облегчением вздохнул я. – На ж.-д. вокзал. Поезд в три.

– О! Так мы всё успеем! – воскликнул Миша Дед Мороз.

– А что успеем? – поинтересовался я.

– Расслабься, Григорий, отдыхай, – захохотал густым басом Дед Мороз и круто свернул с колеи на проселочную дорогу.

Хата, куда мы ввалились втроем, празднично украшена. Иконы обрамлены рушниками, на подоконниках еловые лапы, на окнах бумажные снежинки. Посредине круглого стола пиала с булкой, покрошенной в мед. Рядом граненый штоф с прозрачным, как слеза, самогоном. Вокруг пироги, заливное, вареная картошка с большими кусками баранины.

Михаил Мефистофель произнес тост:

– Ангелы господни, храните нас от всех бед и напастей. Желаю всем в этот святой день добра и радости, мира и благоденствия, крепкого здоровья, согласия и лада в семье.

После третьего тоста я шепнул на ухо Деду Морозу:

– Покажите мне, как выйти на трассу.

– Ты что, с ума прыгнул?! Не парься, довезем в лучшем виде. Будь спок, Бенжамин.

Видавший виды «Жигуленок», простоявший на морозе около часа, завелся только с толчка. Метель запорошила крупными мокрыми снежинками, мешая видеть дорогу. Я вновь запросился отвезти меня только до трассы.

– Праздник только начался, – гасая по заснеженным кочкам, пробасил Миша Дед Мороз. Вновь свернув с лесной просеки, продолжил: – Обидим тезку, если не отметимся за его столом.

С этими словами мы подъехали к хате Миши Мефистофиля.

После очередных трех рюмок я осоловел. На моих сказочных персонажей не только не сказалась выпивка, но даже запаха спиртного не чувствовалось.

«Заколдованные», – подумал я и не стал упрашивать высадить меня на трассе.

К вокзалу мы подъехали, когда стрелки часов на фасаде сошлись у цифры двенадцать.

– Вот и Михайлов день закончился, – показывая на часы, произнес я.

– Кто празднику рад – тот накануне, во время и после пьян, – забалагурил Миша Мефистофель. – Наш киевский князь Владимир сказал: «На Руси есть веселие пити, и так тому и быти».

Я стал благодарить и пытаться заплатить.

– Ты что, повредился? Какие деньги? Веди в ресторан.

Только после того как трижды прохрипел репродуктор: «Посадка на поезд окончена», – мы помчались по перрону, прихватив бутылку шампанского.

– Пацаны, – обратился я к сказочникам, – не в обиду, объясните: почему подобрали в лесу, почему денег не взяли?

– Не понимаешь – значит, еще не дорос, – обнимая меня, прогудел в ухо Миша Дед Мороз.

– Ты дивиденды в валюте считаешь? – усмехнулся Миша Мефистофель. – А мы – в удовольствии.

На подножку вагона я вскочил, когда поезд уже тронулся. В то же мгновение в мою помутненную выпивкой башку гагахнула молния. Документы! Забыл!

На завод я попал только к обеду. Выслушав мое объяснение, главный инженер дядя Миша заключил:

– Документы эти мне даром не нужны. А удовольствие в карман не положишь, на хлеб не намажешь, в стакан не нальешь и костюм не пошьешь.

